

— Почему же ты не спас
меня, Господи?

— А кто посылал тебе
корабль, лодку и бревно?

Из анекдота.

Чудный вечер. Снежок. Может прогуляться, а? И ведь сразу ноги замёрзнут, снег на лицо налипнет. А из окна всё так мило и, главное, безопасно.

Ну, умеешь, умеешь, что тут говорить! Ты ведь делаешь это, походя, даже не замечая: тут снегом сыпанул, там фонарь зажёг! И вот он, дамы и господа, — чудный вечер!

Знаешь, в такой вечер славно было бы умереть. А что? Вот так лечь, не зажигая света, слушать тиканье часов, потом закрыть глаза и умереть, ни о чём не сожалея, ничего не страшась, с лёгкой душой.

Скажи, зачем я тебе? Почему ты не отпускаешь меня? У меня ведь ничего нет, кроме снов и разговоров с тобой. Не думаю, что тебе нужен собеседник. Ты

даже не слушаешь: мало ли кто бубнит под ухом. Мама так всегда радио включала, негромко, не пытаясь вслушиваться, просто чтобы чувствовать, что ещё жива. Но тебе-то это зачем? Может, ты просто ко мне привык? Уж я-то точно к тебе привыкла за столько лет.

Когда мы начали разговаривать? В мои тринадцать? Ты помнишь? Я тогда впервые посмотрела на себя в зеркало как бы со стороны: огромная нелепая девица с унылой физиономией и прыщами на лбу. И кто, по-твоему, должен был отвечать за это безобразие?

А тебя вообще не было! В школе говорили. Скажи, атеисты — это ведь твоя шутка, да?

Я придумала тебя себе. Вот только не надо банальностей: никакой бороды и облаков не было!

Забавно, да? Ты создал нас, как говорят, по образу и подобию своему, а мы потом подогнали тебя под свои стандарты. Ну и как, не жмёт?

А вообще, мне всегда нравилось разговаривать с тобой. Знаешь, ты ведь никогда не перебиваешь, даже если я несу полную чушь, и ещё с тобой не надо притворяться. Ты и так всё обо мне знаешь: ты видишь, как я ем, сплю, чешусь, не говоря уже о...

Да, так вот, о моих тринадцати: помнишь, я задала тогда тебе тот же вопрос: зачем? Зачем нужно было придумывать генетическую программу, давать жизнь стольким поколениям

моих предков, свести в конце войны в захолустном госпитале родителей, чтобы потом получить вот это, в зеркале?

И зачем тебе моя жизнь сейчас? Ради какого эксперимента ты заставляешь дышать и двигаться бесполезное тело и трепыхаться ничем не примечательную душу? Ну да, когда была жива мама, в этом был определённый смысл. А теперь?

* * *

Томочка ушла два часа назад, а я никак не могу уснуть. Вот уж с чем никогда проблем не было, так это со сном. Спала всегда как сурок и не просыпалась бы. А тут... Спать не могу, гулять не хочу... Какое разнообразие выбора-то!

...Письмо на столе. Перечитала уже три раза. Это что? Очередная твоя шутка?

И как всё мгновенно вернулось! Да-да, это сердечное ёканье. А я уж было подвела черту, как говорится, подбила бабки. Бабка подбила бабки, хм! Так нет, тебе вдруг просто необходимо стало напомнить мне, что я ещё могу что-то чувствовать!

Почерк у него всегда был отвратительный! Сколько я ни билась!

А я знала, что письмо от него. Ещё не видя почерка, сразу знала! Как только Томочка сказала, что мне на интернат пришло письмо.

А она, наивная душа, ещё вертела конвертом перед моим носом:

— Угадай, от кого?

Да чего гадать-то.

Выхватить письмо, сунуть в руки пальто, шапку и сапоги, выставить Томочку из квартиры, и все дела!

Но тут я представила, как она растерянно стоит в коридоре, смотрит на дверь и хлопает белёсыми ресницами. А её чёрный поношенный сапог шмякается возле моего дверного коврика. Да уж!

— Понятия не имею, кто мог мне написать — сказала я самым равнодушным тоном.

— Ну-у, с тобой совсем неинтересно! Это же от Бека, ну от Кадырбека твоего, помнишь? Ну что ты стоишь? Давай, читай скорее!

А знаешь, нам с Томочкой повезло. Ну, в смысле, нам — это тебе и мне.

Смотри, она и ко мне привязана по каким-то неведомым причинам уже много лет, и к тебе без претензий. А ведь могла бы.

Мужа похоронила, двух спингрызов на себе вытянула, выучила. И эти засранцы тут же сбежали (ты же понимаешь, мама, большой город — большие перспективы!) Звонят по праздникам.

А она каждый день тащится на работу (что же я, Любочка, буду дома сидеть?) И улыбается, всё время улыбается...

* * *

Скажи, что со мной не так? Что со мной всегда было не так? Ведь это со мной, а не с миром,

да? Ведь люди вокруг меня как-то умудряются быть счастливыми — Томочка та же?

Помнишь, я задыхалась в детстве? Мне всё казалось, что вот ещё чуть-чуть, и я смогу вздохнуть полной грудью. И вот этого чуть-чуть всегда не доставало!

Я всю жизнь так прожила: вот ещё чуть-чуть...

* * *

А море, помнишь? Как мы с мамой ждали лета! Откладывали деньги в старую обувную коробку. Это же был целый ритуал. Мама приносила домой зарплату, раскладывала на столе денежные кучки. В одну из них шли только самые новые или бережно разглаженные мамой купюры. Я доставала из шифоньера коробку с изображением красной туфельки на крышке, и мама укладывала туда деньги: «На море!»

А в апреле мама села шить сарафаны в горошек: мне красный, себе синий. Я делала уроки за столом, а мама сидела напротив, склонив голову над шитьём. И когда я отрывалась от тетради, то видела пробор в её волосах и несколько седых волос, почти незаметных для постороннего невнимательного глаза. И на меня тогда накатывала такая волна любви, что на глазах слёзы выступали, и приходилось срочно вжиматься лицом в учебник, чтобы мама не заметила.

А чем всё кончилось?

Ну конечно, море мне не понравилось! Оно как-то потерялось за мелкими составляющими

образа «съездить на море». Галька на пляже была крупной, жёсткой и обжигаете горячей. Стоило сесть или лечь на одеяло, и она тут же с превеликим удовольствием впивалась в тело. Морская вода оказалась отвратительно горько-солёной. В первый же день меня захлестнуло волной, и я тут же наглоталась этой гадости. А медузы? Бр-р-р! Мягкие и скользкие, как сопля.

А эти тела на пляже? Никогда не думала, что люди так некрасивы. Эта жующая, сопящая, жужжащая, потеющая масса толстых, кривоногих, плешивых, рыхлых, веснушчатых, обгорелых, волосатых тел покрывала весь берег и сползала в море бахромой дико орущих детей.

А ещё я отравилась чебуречком. И сарафан на мне сидел как на корове седло. А мама была счастлива, что вывезла дочку на море.

Ну, вот скажи, почему я помню только это? Ведь было же море в моей жизни, было, а вдохнуть — не получилось. Почему так?

* * *

«Здрасти Любовь Григорьевна!

Пишит вам ваш бывший ученик Бек. Надеюсь вы меня ищете помини. Как у вас дила?

А я про вас всегда помню. Потомушто вы были мне как мама!

А миня забрали в армию. У миня всё хорошо. Толька я очень сильна скучаю. Я решил написать вам письмо. Толька я вашава

адриса низнаю поэтому написал на интырнат. Надеюсь письмо да вас дайдёт!

Дарагая мам Люба!

Паздравляю вас снаступающим Новым годом!

Жилаю чтобы у вас всё было хорошо!

Если у вас будит время напишите мне ответ!

Досвидания. Кадырбек»

* * *

Счастье — это как вдох полной грудью, да?

* * *

Чёрт, что ж такое со сном-то! Ерунда всякая в голову лезет.

(«Продолжаем разговор», — сказал Карлсон.)

Сколько у меня выпусков было за все годы? Шесть? Восемь?

Почему именно он? Почему именно этот мальчик?

Мы же с ним, как инопланетяне, из разных миров.

Нам даже поговорить не о чем.

А помнишь, как его привезли из детдома в шестом классе?

Он забился в угол, дрожал, от глаз — одни щёлочки, и голова, большая, бритая, вся в шрамах.

Зверёныш! Он укусил меня за руку, когда я попыталась вытащить его из угла, а я съездила ему по башке, и он опять забился в угол, свернулся и завыл! И мне пришлось полчаса успокаивать

его, сидя рядом на линолеуме школьного коридора. Сначала он подвывал, потом просто всхлипывал и трясся всем телом, потом затих. И тогда я решила погладить его по голове. Может, всё началось именно там, в школьном коридоре?

От него вечно несло столовкой и куревом. Он ждал меня у дверей интерната, и когда я входила в ворота, косолапил навстречу через весь школьный двор. Он не обнимался, как все, а просто тыкался лбом в моё плечо и вздыхал. И мне приходилось притягивать его рукой за плечи, и вот так, в обнимку, идти к школе.

Да, да, да! Ты всё знаешь, кому я вру! Да, мне это нравилось! И если он вдруг не встречал меня, я начинала беспокоиться. Сердце куда-то ухало, и я ускорила шаг.

* * *

Наверное, я могла бы родить своего. Ну да, могла бы! Вот только...

«Сначала — муж, потом — ребёнок!» Я ведь долго считала это правильным. Наивная девушка!

А в тридцать пять уже всерьёз размышляла, не стать ли мне матерью-одиночкой. Ну, чисто теоретически!

Разговор с мамой, помнится, свёлся к двум фразам:

— Мам, может мне родить кого-нибудь?

— Доченька, ты собралась замуж?

Н-да-а!!! Поговорили!

Ну и потом, необходим был мужчина (кому я объясняю?) А вот мужчины-то как раз и не случилось.

Так что образ «девушки порядочной» в глазах мамы, а также знакомых и соседей, был сохранён.

Да знаю я, знаю, что ты сейчас скажешь... Принцы? На белых конях? Какая гадость!..

Но то, что предлагал ты...

Ты ещё Димку вспомни!

Димка, маленький, щуплый, рыжий, ниже меня ростом? Ну да, я помню, как он на меня смотрел. Он всегда на лекциях садился на третьем ряду, справа, и смотрел. Нет, не просто смотрел — прожигал взглядом. У меня каждый раз к концу лекции щека горела.

Он пригласил меня танцевать тогда на студенческом новогоднем вечере. Мы, наверное, дико смешно смотрелись. Я ещё надела босоножки на каблуках, и Димка дышал где-то на уровне груди. Сопел, как паровоз, я прямо-таки дожидаться не могла, когда уже закончится музыка.

А потом он потащил меня целоваться на лестницу к чердаку, где обычно курили. Там такая решётка была с висячим замком. И он меня прижал спиной к этой решётке и начал целовать. По-твоему, это должен был быть самый романтичный момент в моей жизни, да?

Ну, может я и правда что-нибудь такое почувствовала бы, но он же приложил меня прямо к замку! Больно, чёрт возьми! И

губы у него были такие мокрые! А уж когда он начал меня по груди оглаживать, совсем смешно стало. Да не хотела я его обижать, я же не просто так засмеялась, ну щекотно было! Ну, и правда, смешно немножко!

Кто ж знал, что он так остро отреагирует?

Переключился на Зиночку из параллельной группы, на Пономарёву, худенькую, бледненькую, ему под стать как раз! И потом они такие гордые ходили, когда она в сентябре уже с животом появилась!

Вот тебе и Димка!

Ты действительно думаешь, что я могла бы быть счастлива с ним? Ты, правда, так думаешь?

* * *

Вишнёвое варенье! Точно. Бордовая капля на жёлтой льняной скатерти. Как он испугался тогда, бедный мальчик, побледнел и застыл с чайной ложкой в руке.

— Ничего страшного, — сказала я, — всё отстирается. Допивай чай и укладывайся.

Ну вот, опять! А ведь почти заснула. Ночь воспоминаний, да?

Сколько он тогда пробыл в лагере? Дней пять?

Помнишь, как он тащил в автобус вещи в белом замызганном пакете без ручек, а сверху еще нагло высовывалась мятая сигаретная пачка? А потом прилип лицом к стеклу и махал мне, пока автобус не исчез за углом школы?

Через пять дней вечером позвонил директор.

— Любовь Григорьевна, извините за беспокойство. Рудов.

(Это ж-ж-ж неспроста!)

— Добрый вечер, Анатолий Иванович.

— Добрый вечер. У меня к вам просьба (Ну вот, я же говорила!). Кадырбек сломал руку. Сейчас он в травмпункте. Вы не могли бы забрать его оттуда и устроить в школе на ночь. А завтра он уедет в лагерь. Я, к сожалению, сегодня занят.

— Да, конечно.

— Ну, спасибо. Всего доброго.

— До свиданья.

Вот радость-то под вечер! Переться в больницу, потом — в интернат, будить сторожа, искать, куда бы положить Бека... А в школе — ремонт!

Да и потом, ребёнок, наверняка, голодный. Чёрт!

— Мама! Мы можем приютить пострадавшего на ночь?

И что на меня тогда нашло? Никогда не смешивала работу и дом. Просто, выходила со школьного двора и выключала рубильник: никаких детей, никаких разговоров о школе. Всё, мой дом — моя крепость!

Это Томочка вечно кого-нибудь из интерната тащит: помыть, постирать, постричь, покормить. Мать Тереза!

А тут и я рассурилась. Ну надо же!

И всю дорогу до травмпункта злилась за это и на себя, и на Бека, и на весь мир за компанию.

Ну, приехала, смотрю - сидит около дежурной медсестры, тихий, маленький какой-то. Лицо чумазое, дорожки от слёз, но не плачет уже. Левая рука по локоть загипсована, он её к груди прижимает, баюкает и вздыхает. Картина маслом!

— И как тебя угораздило? — я всё ещё злилась.

— Любовь Григорьяна! — вскинулся, радостно так. Шагнул на встречу, ткнулся носом в плечо.

— Так что всё-таки случилось?

— С велика упал, — сопит, но не отрывается.

Ну, потрепала его по голове, обняла за плечи:

— Что, — говорю, — пойдём в гости?

Даже не знаю, кому из нас было сложнее. Наверное, всё-таки ему. Я-то была на своей территории.

— Ну вот, раздевайся, проходи!

Он разулся и долго топтался у двери, дырку на правом носке замаскировывал. Я накрыла ему на кухне и ушла, чтобы не смущать.

Пока я застилала диван, на кухне зашумела вода. Бек стоял у раковины и пытался одной рукой вымыть посуду. Тоже мне, чистюля!

Я отогнала его к столу, налила чаю, пододвинула ближе вишнёвое варенье.

Вишнёвая капля будто загнипотизировала его. Он, не сводя глаз со скатерти, обжигаясь, в два приёма сглотнул чай, отодвинул табуретку и попятился от стола.

Знаешь, он ни разу не улыбнулся за вечер. И вообще выглядел таким несчастным, что я снова разозлилась. Вот же, не было печали!

И ведь всегда с ним так: если плохо ему — ну просто не ребёнок, а воплощение мировой скорби (ах, где мои носовые платки!), а если смеётся — то сразу весь, всем организмом!

Помнишь, как на него глобус свалился? Месяца полтора прошло с его приезда к нам. Он тогда ещё обживался, сторонился одноклассников, да и взрослых, большей частью.

Учёба его угнетала. Вечером, когда мы с классом готовили уроки, он засыпал на последней парте, прямо на учебниках, приоткрыв рот. Иногда, в ступившейся от усердия тишине (что, как ты понимаешь, случалось нечасто!) слышно было, как он похрапывает. Дети оглядывались, но посмеивались беззлобно.

Обычно он просыпался к концу второго часа самоподготовки и с минуту ещё приходил в себя, бессмысленно таращась по сторонам. А его щека до ужина хранила отпечаток уголка учебника.

В тот раз пробуждение было, видимо, слишком быстрым. Когда грянул звонок, Бек, едва вынырнув из сна, резко вскочил со стула, пошатнулся и привалился плечом к стенному шкафу. Шкаф вздрогнул всем телом и сбросил с себя глобус. Африка пришлась akurat на Бекову коротко стриженую макушку. Класс захихикал.

Бек присел от неожиданности, ухватился рукой за ушибленное место и вдруг затрясся. Сначала мне показалось, что он плачет, и я даже рванулась к нему из-за стола, но вдруг остановилась.

Он смеялся, смеялся легко, потряхивая плечами и зажмурив глаза. И, глядя на него, уже в голос начали смеяться все.

Тогда я первый раз и увидела, как он смеётся...

Около полуночи, когда я заглянула в зал, Бек спал на моём диване, укрытый до подбородка одеялом. Меня в маминой комнате ждала раскладушка и, по всей вероятности, не самая уютная ночь в жизни. Я ещё постояла немного в дверном проёме, размышляя, оставлять ли свет в коридоре, и вдруг услышала странный звук: Бек то ли стонал, то ли скулил, не открывая глаз и не просыпаясь.

* * *

Скажи, как ты это делаешь? Или я уже спрашивала? Как из такого многообразия людей ты находишь двоих, именно в этот миг необходимых друг другу?

Похоже, меня на лирику потянуло! Запоздалая отрывочка сериалов и любовных романов. Помнишь, был такой период? Смотрела и читала, да-да-да! Ну и что? Мне теперь гореть в геенне огненной? Или что там у тебя ещё в запасе?

А разве сериалы придумал не ты? Или это происки врагов? Ну да ладно, сам разберёшься.

Слу-у-шай, я только сейчас

подумала... а Беков велосипед? Это ведь ты, да?

* * *

Я присидела около него до утра. Гладила по голове. Под короткими жёсткими волосами наощупь угадывались шрамы.

Он перестал скулить. И вдруг, всё так же, не просыпаясь, поймал мою руку и пристроил себе под правую щеку. Ещё повозился, глубоко вздохнул и затих.

В такие моменты, наверное, положено думать о тяжёлой судьбе брошенного ребёнка и о собственной впустую текущей жизни, да? Ну, чтобы придать пафоса ситуации! Ты же любишь, когда пышно и торжественно. Или это мы придумали, что любишь?

Ну вот, ни о чём я не думала. Просто мне было хо-ро-шо! И дышалось легко и полно!

А под утро тело затекло так, что я почувствовала себя деревянным манекеном. Вытянула руку у Бека из-под щеки и пошла на кухню.

Ну? Ну и чего ты ждал? Что после этой ночи всё переменится?

Что я прижму его к своей трепетной груди, и мы обольёмся слезами умиления, как две родственные души, наконец-то обретшие друг друга?

Как говорит одна моя знакомая: «Я т-тя умоляю!»

Бек на следующее утро уехал в лагерь, а я вернулась к своему полусонному существованию. Болото поглотило брошенный камень, круги улеглись, воду затащило ярской, всё!

Времени-то уже, а! Четвёр-
тый час! Поздравляю, Любовь
Григорьевна, у Вас бессонница!
Дожили!

* * *

Да, всё осталось по-прежнему!
Он всё так же встречал меня у
школы, я всё так же, вернувшись
домой, старательно забывала о
работе до завтрашнего дня.

Его седьмой, восьмой, девя-
тый классы...

Знаешь, я ведь почти ничего
не помню из этого времени.

Хочешь, удивлю? При всём
своём разнообразии, жизнь скуч-
на! Твоя придумка, да?

И уехал Бек без меня. Их,
нескольких сирот, увозили в об-
ластное училище. Томочка гово-
рила, что он ждал до последнего,
оглядывался на ворота.

А я лежала с температурой под
двумя одеялами и самоотвержен-
но боролась с вирусом. В конце
концов, вирус я победила, а Бек
уехал. И я всё забыла.

Слышишь, я всё забыла!

Я всё забыла, ушла на пен-
сию, похоронила маму. Я уже
давно не живу.

Ну что ты хочешь от меня ус-
лышать?

Что я жалею?

Да, чёрт возьми, я жалею!

Жалею, слышишь меня!

О жизни своей дурацкой!

О том, что так и не начала ды-
шать полной грудью, жалею!

О том, что всё ещё живу, не-
понятно зачем!!!

Скажи, зачем?!

Молчишь?

Ты всё время молчишь!

Тебе не до меня!

Тебе всё равно!

А мне надоело, слышишь!
Мне всё на-до-е-ло!

Отпусти меня, слышишь!

Отпусти меня!!! Отпусти!!!

Отпусти...

* * *

Сдаётся мне, джентльмены,
это была истерика.

Рассвело совсем.

* * *

Ты будешь смеяться, но я еду.
Еду, ты слышишь?

Наверное, сама ещё не до кон-
ца в это верю, но всё-таки еду.

Целый день, как савраска, по-
силась по городу: билеты, подар-
ки, даже варенье у Томочки вы-
просила, вишнёвое. Абсолютно
не представляю, что нужно туда
везти. Получилось две огромные
сумки. Ты бы видел, как я их
пёрла на вокзал. Клоуны отдыха-
ют! Ладно, хоть проводник помог
в вагон затащить.

Сто лет в поездах не ездила. А
тут, смотрю, ничего не меняется.

И напротив меня, конечно же,
разговорчивая старушка, древ-
няя, но любопытная. Сейчас она
пристроит багаж, расстелит по-
стель, хлебнёт чаю и начнётся:

— Ну, вот и едем, слава Богу!

К сестре в кои-то веки выбра-
лась. Новый год вместе отметим.
А у вас, смотрю, сумки такие тя-
жёлые. Тоже в гости?

Ну что же, глубокий вдох!

— Я к сыну еду. Он у меня в
армии.